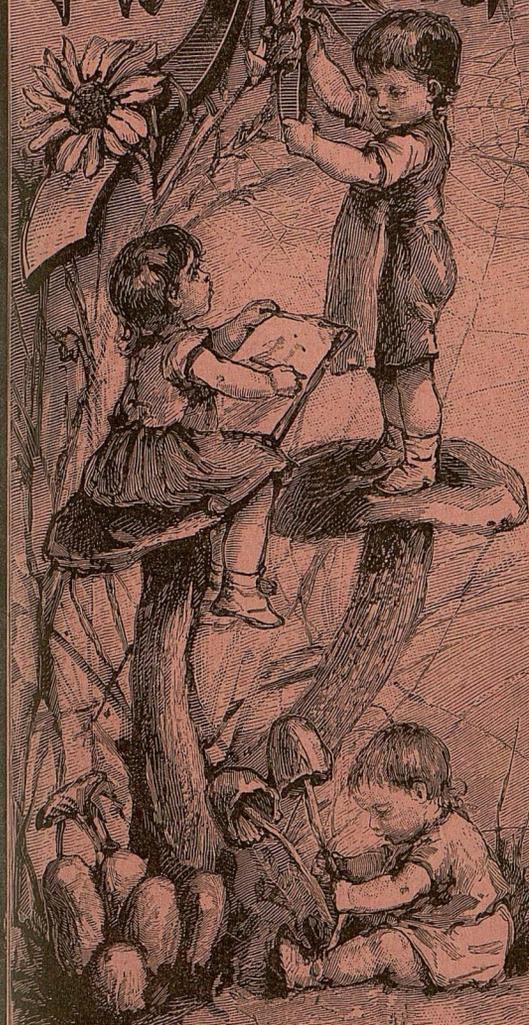

ДЛЯ МАЛЮТКИ

Л. В. ПЕНТ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“,

ОСОВЫЙ ОТДѢЛЪ

журнала «ИГРУШЕЧКА»

1893

М А Р Т Ъ № 3.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Лошадку напоилъ. <i>А. Балова.</i> Съ тремя картинками.	35 42
II. Няинь голубь. (съ натуры). <i>С. Лаврентьевой.</i>	46
III. Разбойница крыса и бѣдный котеночекъ. Сказка съ четырьмя картинками. <i>Бумъ-бумъ.</i>	
IV. Ласка. <i>М. Быковой.</i>	48
V. Дѣтское горе. <i>А. К. Владиміровой.</i>	49

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, л. № 26.

ЛОШАДКУ НАПОИЛЪ.

Наконецъ то вернулся Кузяткинъ тятка изъ города! Десятки разъ выбѣгалъ Кузятка за околицу, влѣзалъ на высокій отводъ *) и,

*) Отводъ—ворота для проѣзда въ жердевой изгороди.

прикрывъ свои глаза ладонью, какъ козырькомъ, смотрѣлъ, не ѣдетъ ли тятка съ базара... Ничего не видно!.. Вокругъ деревни разстилается только безбрежное море желтѣющей ржи, да вдали, высокой стѣною, чернѣетъ старый сосновый лѣсъ.

— Не видать тятки! — печально говорилъ Кузятка и, опустивъ голову, нехотя шелъ въ деревню....

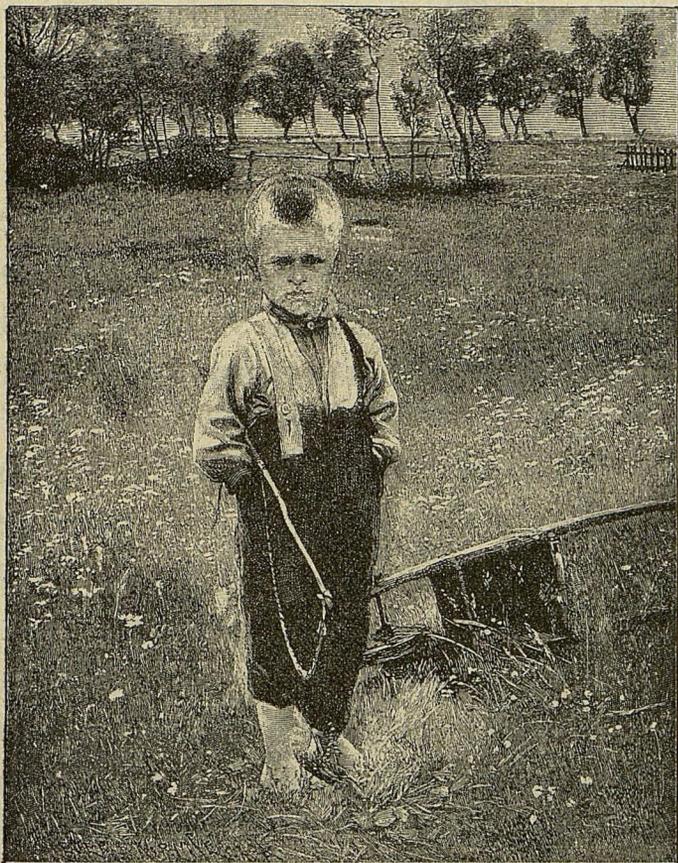
За то сколько радости было у мальчугана, когда пріѣхалъ тятка! Никогда не возвращался онъ къ своему Кузяткѣ съ пустыми руками, всегда привезетъ гостинецъ: либо калачъ, либо пряникъ,—съ гостинцемъ пріѣхалъ и теперь, да еще съ какимъ?!.. съ конемъ!.. Какъ есть заправская лошадь, сивая, какъ у дяди Петра, и грива, и челка, и хвостъ—все есть, какъ быть должно... и сбруя нарисована на ней все кружками: черненькій кружечекъ, да красненькій, черненькій, да красненькій... Что за коня купилъ Кузяткѣ тятка!

«Чай не дешево стоитъ», думалъ Кузятка, перевертывая въ рукахъ драгоценный подарокъ. «И какъ только такихъ коней дѣлаютъ?»...

Привязалъ Кузятка къ лошаdkѣ вере-

вочку и сталъ водить лошадку по избѣ, изъ угла въ уголъ.

Пошелъ бы онъ со своимъ конемъ и на

Не видать тятки!

улицу, да поздно... «Да поди, чай, ребята и спать полегли: мамка ужинать собираетъ», подумалъ Кузятка и не пошелъ на улицу.

Сдѣлалъ онъ для своей лошадки стойло изъ щепокъ, а чтобы мягче было, отрешевъ настлалъ, да соломки: хорошо ей тутъ— тепло и не дуетъ...

Ужинаетъ Кузятка, а самъ нѣтъ-нѣтъ да и посмотритъ въ завѣтный уголокъ, стоитъ ли лошадка...

Послѣ ужина отправился Кузятка вмѣстѣ съ тяткой спать, только долго не могъ уснуть, долго ворочался онъ съ боку на бокъ: все думалъ, какъ завтра выведетъ онъ свою лошадку на улицу на диво всѣмъ ребятишкамъ.

«То то позавидуетъ, и Пронька, и Гришка, и этотъ бахвалишка-Канифатка, что цѣлые дни съ своимъ деревяннымъ топорикомъ носится... словно и не вѣсть что!.. лошадка будетъ почище топорика», рѣшилъ Кузятка. «Да гдѣ Канифаткѣ! гдѣ ему бахвалишкѣ!.. Мой тятка богаче его тятки... Вонъ у насъ и часы есть, а у нихъ нѣтъ», мысленно добавилъ Кузятка, слышавъ хриплый бой старыхъ стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ на переборкѣ....

Уснулъ Кузятка, а и во снѣ видитъ онъ свою лошадку: ведетъ онъ ее по улицѣ... Вотъ выбѣжалъ Канифатка, схватилъ ло-

шадку, да и драло съ нею въ поле. Побѣжалъ за нимъ Кузятка, бѣжитъ, и ноги подламываются, заревѣтъ хочеть — голоса нѣтъ... а Канифатки ужъ и слѣдъ простыль. Передъ Кузяткой оврагъ открылся, черный да глубокий — и дна ему не видно... Сорвался Кузятка и полетѣль въ оврагъ: летить, а сердце такъ и щемить, такъ и щемить...

Утромъ чѣмъ свѣтъ проснулся Кузятка и оглядѣль избу; никого нѣтъ: тятка на работу въ поле ушелъ, matka — коровъ доить.

Всталъ Кузятка и прямо къ лошаdkѣ: вывелъ ее, поводитъ по избѣ... скучно стало — вывелъ на улицу. Никого не видать ребятишекъ — всѣ спятъ еще. Сбѣгалъ Кузятка домой, захватилъ берестяной туесокъ, за ягодами съ которымъ ходять, и повелъ свою лошаdkу къ рѣкѣ.

«Пойду лошаdkу поить», порѣшилъ Кузятка. Бредеть онъ по знакомой тропинкѣ къ рѣкѣ и лошаdkу за собой ведетъ.

Вотъ и околица... а вотъ и рѣка открылась передъ нимъ, — отъ рѣки паръ идетъ, по берегамъ едва видны въ туманѣ высокія ветлы... Солнце еще не взошло...

Спустился Кузятка къ самой рѣкѣ, къ

ветхимъ мосточкамъ, гдѣ бабы моють бѣлье; сталь на мокрѣя, скользкія доски и лошадку возлѣ поставилъ. Хочеть Кузятка зачерпнуть въ туюсокъ воды, глядитъ въ воду, а вода—черная, черная... дна не видать... Глянулъ назадъ,—а сзади лягушка сидитъ на мосткахъ, большущая, да страшенная такая: брюхо зеленое, глаза на выкатѣ... Вотъ - вотъ кинется на Кузятку и вопьется ему въ лицо... Невольно посторонился Кузятка, доска покачнулася и, мальчуганъ полетѣлъ въ воду.

Раздался глухой всплескъ, какъ будто огромная щука, играя, полоснула по водѣ. Крупныя брызги упали на мокрѣя доски, испуганная лягушка быстро нырнула...

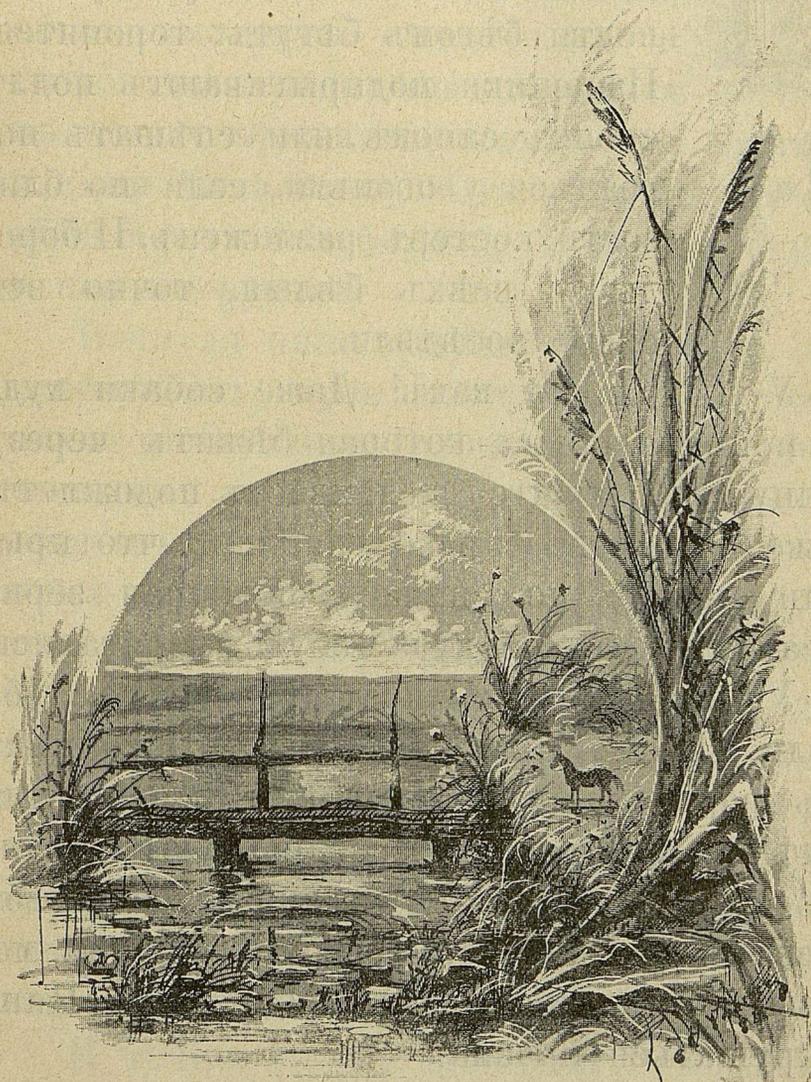
Большіе круги разошлись по рѣкѣ, заходили и закачались ветхіе мосточки... А на томъ мѣстѣ, куда упалъ Кузятка, серебряною нитью поднялся со дна рядъ воздушныхъ пузырьковъ...

Пузырьки поднимались со дна все рѣже и рѣже, мостки качались тише и тише... Вотъ показался послѣдній пузырекъ... въ послѣдній разъ колыхнулись мостки—и, все стихло....

Солнце взошло, разогнало туманъ и

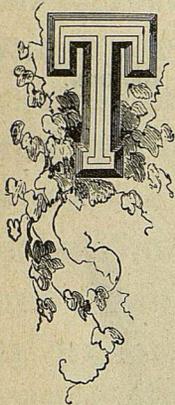
освѣтило рѣку... На ветхихъ, мокрыхъ мосточкахъ стоитъ сиротливо Кузяткина лошадка, а поводѣ тихо плаваетъ берестяной туюсокъ...

А. Баловъ.

НЯНИНЪ ГОЛУБЬ.

(Съ натуры).

у зиму морозы стояли сильные. Выйдешь, бывало, на улицу: всѣ почти бѣгомъ бѣгутъ, торопятся. Извощики подпрыгиваютъ подлѣ своихъ санокъ или спѣшатъ погрѣться у огонька, если по близости костеръ разложенъ. И бороды у всѣхъ бѣлыя, точно всѣ сразу посѣдѣли.

У-у, холодно какъ! Даже собаки куда то попрятались; а которая бѣжитъ черезъ улицу, то съежится вся; хвостъ подожметъ. Даже воробьевъ рѣдко увидишь, что прыгали прежде по снѣжку, подбирая зерна овса. Видно и они куда нибудь запрятались.

У насъ, близко подъ крышей, голуби жили. Наша няня имъ на подоконникъ изъ форточки хлѣбъ крошила. Бывало, увидятъ они хлѣбъ, слетятся, заворкуютъ, точно всѣ сразу заболтаютъ и примутся хлѣбъ клевать; все до чиста уберутъ. Но въ морозы и ихъ что то мало видно было. Няня сокрушаться начала.

— Не померзли ли они, голубчики?—

говорить. — Долго ли до бѣды; стужа этакая! Онъ, голубь, хоть птица и воздушная, а все же стужу то эту ему переносить трудно!

Въ одно утро, послѣ особенно холодной ночи, встала няня, отдернула занавѣску отъ окна; смотреть: сидитъ на подоконникѣ голубь, да странно какъ то сидитъ—совсѣмъ къ стеклу прижался, ослабъ весь. Форточка у няни была внизу. Отворила она ее скорѣй; беретъ голубя: онъ и не шелохнется у нея въ рукахъ!

Втянула няня голубя въ комнату. Закоченѣлъ онъ, чуть дышетъ. Стала она съ нимъ нянчиться. Вымазала его маслицемъ теплымъ; положила къ себѣ на постель, теплымъ платкомъ прикрыла. Голубь все съ собой дѣлать позволяетъ. Приготовила потомъ няня корзину большую; тряпочекъ тамъ какихъ то настлала. Посадила туда голубя. Кормить его начала хлѣбцемъ моченымъ—нѣтъ, не ѣстъ, не пьетъ; а видно, что радъ теплу, прикурнулъ въ уголокъ; а няня корзину сверху вязанымъ платкомъ покрыла: и тепло, и воздухъ проходитъ. — Отойдетъ, можетъ; согрѣется! — утѣшаетъ себя няня.

И точно: голубь понемногу сталъ отходить. Слышитъ няня: онъ къ вечеру ужъ

сталъ пошевеливаться; водицы попилъ, что няня ему поставила. А дальше все лучше: ужъ и за пищу принялся. А все же изъ корзины выходить не хочетъ; какъ няня его возьметъ въ руки, чтобъ корзинку почистить, онъ такъ и затрепещетъ весь: боится, что она его опять на морозъ выпустить.

— Не бойся,—успокоиваетъ его няня,— раньше, какъ потеплѣетъ, не выпущу; не объѣшь меня!

И вѣдь какой баловникъ сдѣлался! Сперва овесъ охотно клевалъ, а потомъ, кромѣ бѣлаго хлѣба, ничего не бралъ. Совсѣмъ поздоровѣлъ, потолстѣлъ даже, забуянилъ; сталъ иногда изъ корзины вылетать: разъ на нянинъ шкафъ забрался, да всю ночь тамъ просидѣлъ. Иногда другіе голуби, можетъ быть родственники его, къ окну подлетали, ворковали. Голубь сталъ на ихъ воркованье отзываться.

— Вотъ, потеплѣетъ, выпущу!—говорила няня.

Но голубь не сталъ няни дожидаться. Разъ какъ то няня въ своей комнатѣ форточку отворила, а сама ушла. Приходить: хватъ голубя—а его и слѣдъ простылъ!

— Ишь, озорникъ!—проворчала няня—и

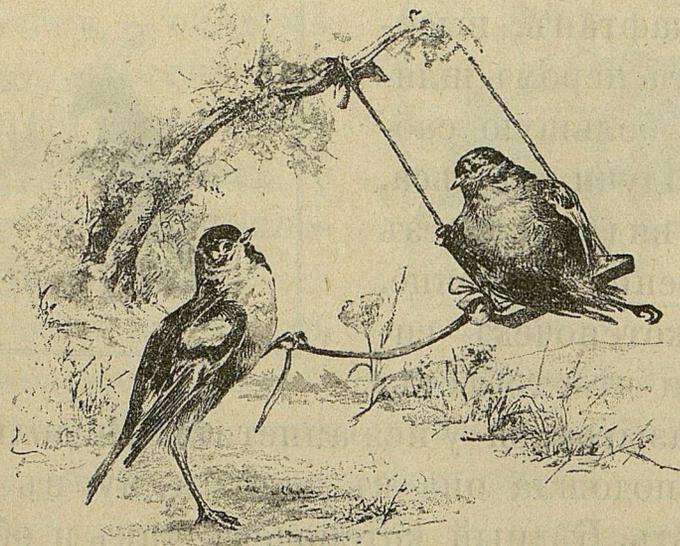
спасибо не сказалъ; взялъ да и улетѣлъ! Благо морозъ то легче сталъ, не такъ зазбнетъ теперь!

Но бѣдный голубь ошибся въ расчетъ. Послѣ мягкаго денька къ вечеру стало морознѣе, а къ утру поднялась вьюга. Такъ и воетъ вѣтеръ, такъ и крутитъ снѣгъ, и морозъ все сильнѣе да сильнѣе становился.

Запечалилась няня.

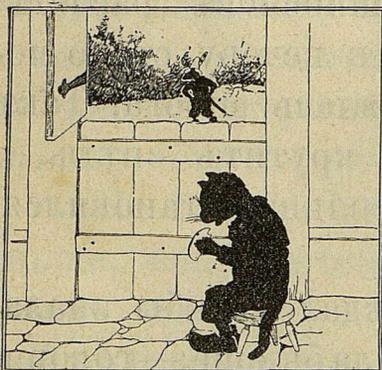
— Вотъ меня не дождался; я бы знала, когда выпустить; переждала бы еще, — говорила она, вспоминая своего голубя и прислушиваясь, какъ вѣтеръ бросаетъ въ окна комками снѣга. — Все своимъ умомъ жить хотите; старшихъ людей не слушаетесь: вотъ и попался!

С. Лаврентьева.

РАЗБОЙНИЦА КРЫСА И БѢДНЫЙ КОТЕНОЧЕКЪ.

Сказка.

Жилъ былъ котеночекъ одинъ-одиношенокъ въ маленькомъ домигѣ. Питался онъ корочками хлѣба и сыра, по временамъ мышекъ ловилъ.

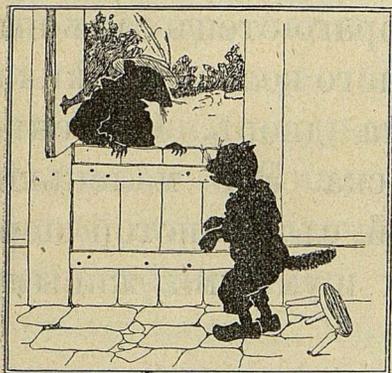
Въ сосѣдствѣ съ нимъ, въ темномъ лѣсу жила разбойница-крыса. Зубы у нея были острые, хвостъ длинный-предлинный, глаза злые и зоркіе. Носила она бархатный кафтанъ, высокую съ перомъ шляпу и большую саблю. Идучи изъ лѣса, она увидѣла черезъ открытое оконце, что котеночекъ сидитъ и что то ѣстъ.

Разыгрался у нея аппетитъ. Не долго думая, подошла она къ окну и ну въ него глядѣть. Бѣдный котеночекъ такъ и обмеръ

отъ страха; табуретка его упала и самъ онъ еле держался на ногахъ.

— Что вамъ угодно, госпожа крыса?

спросилъ онъ ее робко. — Милости просимъ, пожалуйста въ мой домикъ.

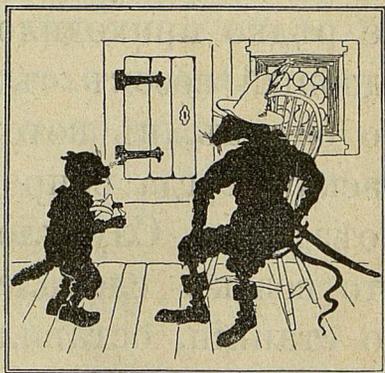
Крыса смѣло вошла и, незнакомая съ прилчіями, не снимая шляпы, сѣла, подбоченясь, на стулъ.

— Мнѣ угодно ѣсть, — сказала она громко. Слышишь, я хочу ѣсть.

— Извините, жалобно произнесъ котеночекъ, — обѣдомъ я васъ угостить не могу: я никогда не обѣдаю, но вотъ у меня корочка хлѣбца. Возьмите.

Разбойница съ жадностью ее схватила и убѣжала въ лѣсъ.

Котеночекъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и сказалъ: — что же, и она ѣсть хочетъ.

Бумъ-Бумъ.

ЛАСКА.

Мой отецъ очень любилъ животныхъ. У насъ постоянно можно было видѣть то прирученнаго медвѣдя, котораго отецъ самъ выпоилъ молокомъ, то ручного волка, то ежика, спокойно лежавшаго на дворѣ. Особенно дружила съ нимъ ласка. Это маленькій звѣрекъ, тонкій, длинный, съ пушистой шерстью, острой мордочкой и умными, живыми глазами.

Ласка такъ любила отца, что не разставалась съ нимъ. Днемъ она забиралась къ нему на плечо или въ рукавъ халата, а ночью спала у него на постели. Зимой отцу не рѣдко приходилось уѣзжать. У него былъ удобный возокъ съ просторными карманами по бокамъ, въ которые любила забираться ласка, всегда сопровождавшая отца въ его поѣздкахъ. Случилось однажды въ дорогѣ, что возокъ сломался. Насилу дотащились до станціи, оставили тамъ возокъ для починки, запрягли лошадей въ кибитку, и отецъ поѣхалъ дальше. Дѣло было ночью; пересаживаясь изъ возка, онъ совсѣмъ забылъ о ласкѣ и спохватился уже тогда, какъ они далеко отъѣхали отъ станціи. Возвраща-

щаться было невозможно. Жаль ему было хорошенькаго звѣрька, но дѣлать нечего. Пробывъ двѣ недѣли въ городѣ, отецъ отправился въ обратный путь. Въ городѣ у него было очень много дѣла и тамъ онъ не такъ замѣчалъ отсутствіе милаго звѣрька, но въ дорогѣ онъ очень скучалъ безъ своей всегдашней спутницы—ласки. Подумайте же, какъ онъ обрадовался, когда, пересѣвъ въ свой починенный возокъ, онъ вдругъ почувствовалъ у себя на шеѣ свою милую ласку. Она такъ и прожила все время въ возкѣ и теперь не знала, какъ и выразить свою радость отцу.

Какъ и гдѣ она доставала себѣ пищу—неизвѣстно. Вѣроятно, она не мало поѣла яицъ у хозяина постоялаго двора, но зато, вѣрно, истребила и не мало мышей.

М. Быкова.

ДѢТСКОЕ ГОРЕ.

— Мама! мамочка! посмотри, послушай каковъ дождь: онъ такъ и стучить въ окна, по крышѣ, струится по дорожкамъ сада. А мы только что собрались на гору—и Катя, и Вася идутъ туда же съ няней!..

Мама взяла малютку свою на колѣна, поцѣловала ее, обтерла ее слезы.

— Потерпи, пережди, дитя мое,—говорила она ласково:—дождь пройдетъ, трава обсохнетъ и вы всѣ вмѣстѣ пойдете на гору. Вѣдь дождь намъ нуженъ: кругомъ у сосѣдей засажены огороды, тамъ вспаханы поля и ничто безъ дождя не взойдетъ.

Все, благодаря дождямъ, возшло, зацвѣло, зазеленѣло.

— Мапочка!—плакалась опять малютка: солнце такъ палитъ, что сожгло мои цвѣты,—они повѣсили головки и къ вечеру умрутъ! Зачѣмъ это, зачѣмъ такъ жжетъ насъ солнце?

Мама принялась опять утѣшать дочку:

— Подъ вечеръ солнце сядетъ, ты цвѣточки польешь, они оживутъ! — говорила она.—Солнце намъ нужно: сосѣди косятъ, убираютъ сѣно, ему надо высохнуть. Безъ солнца не распустились бы у тебя ни резеда, ни душистый горошекъ, не зацвѣли бы наши яблони, не вызрѣлъ бы хлѣбъ въ поляхъ.

То, что тебя по временамъ огорчаетъ, доставляетъ другимъ великую радость.

А. К. Владимірова.

